

СЕМАНТИКА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВРЕМЕННОЙ ФОРМЫ НА *-ГУНА // -ГУНИ // -ГАНА* В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Майсак Т. А.

Институт языкознания РАН (Москва)

Одной из наиболее частотных обстоятельственных форм глагола в агульском языке, отмечаемой всеми исследователями [Дирр 1907: 51; Шаумян 1941: 99; Магомедов 1970: 152-153; Сулейманов 1993: 155-156], является форма с неотделимым суффиксом *-гуна // -гуни // -гана* (разные варианты представлены в разных диалектах; ниже в примерах диалект указывается в скобках). При образовании от основы совершенного вида эта форма описывает ситуацию, предшествующую главной ситуации, ср.: *ВагIав акьу-гуни*, *аринай те гада* ‘когда позвали, пришел тот парень’ (буркиханский); *Гада агу-гуна*, *агъайе ми: фидахIан батIар гада* ‘когда она увидела парня, говорит: какой красивый парень!’ (хпюкский). При образовании от основы несовершенного вида, а также от стативных глаголов, форма задает временной интервал, в рамках которого осуществляется ситуация, описываемая главным глаголом, ср.: *Тисаас хьуха-гуна IуькIер*, *хьучархьуне захь Насир* ‘когда я везла оттуда сено, догнал меня Насир’ (хпюкский) или *Сергиккалади айи-гана*, *балницадиь архьуни зун* ‘когда я был в Сергокале, я попал в больницу’ (фитинский).

Помимо временного, данная форма может иметь и причинное значение, ср.: *Че дад-на че адад хIа-гуна*, *адине че адда хулас* ‘поскольку (он) знал нашего отца и дядю, пришел в дом нашего дяди’ или *Зун армис гIвастти*, *цIикIинар акьуне зас*, *зе хулаь кьумек адава-гуна* ‘перед тем, как пойти в армию, мне сыграли свадьбу, так как у нас дома помощников не было’ (хпюкский).

Тот же суффикс *-гуна // -гуни // -гана* представлен и в формах, производ-

ных от основ указательных местоимений — эти формы также имеют как чисто временное значение ('тогда, в то время'), так и причинное ('поэтому, из-за этого'): ср. *Зун армиъ айи те-гуна* 'я тогда в армии был' (хпюкский); *Гъалиштти Лумураp хинав ти-гана* 'вот так тогда проходила жизнь' (буршагский); *Гъале-гуни халкъар исалас ис хIарариъ чIукъ вагIриа* '{Многие сейчас уезжают из села.} Поэтому народу в селах год от года всё меньше' (буркиханский).

Этимология показателя *-гуна // -гуни // -гана* в упомянутых грамматических описаниях агульского языка не рассматривается, однако некоторые соображения по данному поводу можно найти в сравнительно-исторических работах по языкам лезгинской группы. Так, в лезгинском разделе базы данных по северокавказской реконструкции С. А. Старостина и С. Л. Николаева имеется праформа **-kVnV / -k:VnV*, представленная в современных языках такими служебными морфемами, как агульское *-gana, -guna, -guni*, рутульские *-kup* и *-kup-ki* (условная и уступительная форма), а также удинское *-gi-n* (условное наклонение)¹. Другая точка зрения высказывается М. Е. Алексеевым, который отмечает, что среди пралезгинских деепричастий с некоторой долей вероятности может быть восстановлена форма на **кка*, к которой «могут восходить таб. *-ган*, агул. *-гана*, рут. *-га*, выражающие одновременность действия, ср. рут. *мишет ма' зас кагъад кирхъе-га* 'не мешай мне, письмо пишу-когда' (элементы *-н, -на* в табасаранском и агульском могут восходить к союзной частице). В качестве внешней параллели данному аффиксу можно привести хин. *-га* в наречиях типа *микIул-га* 'вечером', *абстти-га* 'утром'» [Алексеев 1985: 103].

С нашей точки зрения, сопоставление агульских показателей с рутульским условным суффиксом *-kup* и удинским *-gi-n* (в последнем случае *-n* является к тому же личным показателем, а не частью той же морфемы) ни семантически, ни формально не оправданно. Что же касается связи агульского *-гуна // -гуни // -гана* и близких по значению форм *-ган* и *-га* в табасаранском, рутульском и хиналугском, то такая связь вполне возможна, хотя общность между этими по-

¹ См. <http://starling.rinet.ru>; в печатную версию северокавказского этимологического словаря [Nikolayev, Starostin 1994] данный словарный вход не вошел.

казателями вряд ли может достигать глубины пралезгинского уровня. Для того, чтобы показать это, попробуем для начала провести «внутреннюю реконструкцию» суффикса *-гуна // -гуни // -гана*, оставаясь в рамках агульских диалектов.

Как известно, основным материалом для аффиксальных морфем являются лексические единицы, которые в составе определенных синтаксических конструкций теряют автономность, морфологизуются и со временем могут утратить сколько-нибудь заметную связь с источником². В современных агульских диалектах лексической единицы, которая бы явным образом могла претендовать на то, чтобы быть источником показателя *-гуна // -гуни // -гана*, как будто нет. Сходство с данным аффиксом проявляет деепричастие совершенного вида глагола *агвас* ‘видеть’ (ср. *агуна* ‘увидев’), однако семантическая связь между ‘увидев’ и значением аффикса далеко не очевидна, а кроме того, некоторые диалектные варианты аффикса (*-гана, -гуни*) не подходят в данном случае и фонетически. Поэтому постараемся понять на основе данных о дистрибуции показателя *-гуна // -гуни // -гана*, единица какого именно лексического класса теоретически могла бы лежать в его основе.

Во-первых, показатель *-гуна // -гуни // -гана* присоединяется к основам, которые за вычетом данного показателя выступают в функции определения к имени. Для глаголов это обычные причастия совершенного и несовершенного видов, ср.: *гъархъу-гуна* ‘когда уснул’ ~ *гъархъу шуьнуькк* ‘уснувший ребенок’, *хъайе-гуна* ‘когда/потому что имел’ ~ *хъайе китабар* ‘имеющиеся книги’. Для демонстративов это немаркированные формы, также выступающие как определения, ср.: *те-гуна* ‘тогда’ ~ *те китаб* ‘та книга’, и т.п.

Во-вторых, показатель *-гуна // -гуни // -гана* в некоторых случаях используется с падежными показателями, чаще всего с показателем датива *-с* как со значением ‘в то время’, так и со значением ‘до того, как’, ср.: *Ливай-гана-с гъамиш-тти сеI къизиларин аваркинав тиндис* ‘когда посмотрел, вот так нашел он мер-

² Ср., например, русскую частицу *мол*, восходящую к глаголу *молвить*, или клитику «вежливости» *-с* (в высказываниях типа *да-с, извольте-с* и т.п.), источником которой послужило обращение *сударь*.

ку золота’ (буршагский), *Чика-чикад гибури джуваб ицла-гана-с, гъайишулаха джуваб ина гиди* ‘быстренько, пока те не дали ответа, он ответил’ (фитинский). Еще один случай представлен формой в постэлативе с наречием/послелогом *хаб* ‘сзади, после’, ср.: *Гъале даралас те-гуна-хъас хаб гадаиу дар пуна ттур инаа* ‘с тех пор {как мальчик превратился в дерево} это дерево называют деревом мальчика’ (хпюкский). Наконец, более редкий, но также зафиксированный случай — использование временной формы в генитиве в функции определения (‘тогдашний, относящийся к тому времени’), ср.: *ти-гана-н арми Зулканай ккай* ‘человек тех времен по имени Зулканай’ (буршагский).

Названные факты (присоединение к атрибутивным основам и возможность присоединения падежных показателей) практически однозначно указывают на то, что лексическим источником показателя *-гуна // -гуни // -гана* должно было быть имя существительное. Учитывая семантику глагольных и местоименных форм на *-гуна // -гуни // -гана*, которые означают ‘в период, когда/после того как имело место Р’ либо ‘тогда, в то время’, в роли такого существительного можно ожидать достаточно нейтральное временное слово со значением ‘время, период’. Наиболее вероятная исходная конструкция — это «*во время* + определение (причастие или местоимение), конкретизирующее период времени».

С точки зрения агульской грамматики конструкция подобного рода не только вполне нормальна, но и частотна — основное слово со значением ‘время’, широко распространенное по всему ареалу арабское заимствование *вахтт*, свободно используется с определением-причастием, ср. примеры из хпюкского диалекта: *яцар гулу вахттуна* ‘когда быки потерялись’, *хабар рушу вахттуна* ‘когда (его) спросили’, *ихпн угъу вахттуна* ‘когда выпал снег’ с причастием совершенного вида, а также *шкколи руха вахттуна* ‘когда (я) учился в школе’, *галу айе вахттуна* ‘когда (я) находился на кутане’ с причастием несовершенного вида либо стативного глагола. То же относится и к конструкции с указательным местоимением, которая, кстати, также может иметь не только временное значение, но и причинное, ср.: *Машинар айефттава те вахттуна* ‘машин в то время не было’ и *Гъале вахттуна гъагисалди гъайа* ‘{Это священное ме-

сто.} Поэтому туда приходят (люди)’.

С типологической точки зрения развитие существительного ‘время’ в союз или другой показатель подчинения со значением ‘когда’, опять же, никак не является необычным и засвидетельствовано во многих языках мира (см. данные по языкам разных семей в справочнике [Heine, Kuteva 2002: 298-299]).

Заметим, что при указании на период времени, в который имеет место ситуация (‘в такое-то время’), существительное *вахтт* используется в эргативе, что для дагестанских языков в целом вполне типично. При этом косвенная основа данного слова — *-уна*, *-уни* или *-на* — идентична рассматриваемому нами аффиксу деепричастия, за вычетом первого *-г-*: ср. керенское и хпюкское *-гуна* ~ *вахтт-уна*, буркиханское и цирхинское *-гуни* ~ *вахтт-уни*, буршагское *-гана* ~ *вахтт-на*; в тпигском имеются варианты *-гуна* ~ *вахтт-уна* / *вахтт-уни*, и только в фитинском несоответствие *-гана* ~ *вахтт-уни*, которое может объясняться кошанским влиянием.

Таким образом, продолжая нашу линию аргументации, мы можем предположить, что показатель *-гуна* // *-гуни* // *-гана* представляет собой именно морфологизованный эргатив либо инэссив вышедшего из употребления существительного ‘время’ (с корнем, содержащим *-г-*), имевшего тот же тип косвенной основы на *-уна* // *-уни* // *-на*. В формах типа *-ганас* или *-гунахъас* зафиксированы, соответственно, другие падежи того же слова. Единственное, что осталось установить, это имеются ли какие-то другие следы данного слова в агульском или близкородственных языках — и, как кажется, очевидным кандидатом является слово *гагь* ‘время, период’, используемое в современных диалектах достаточно редко (ср. хпюкское *ппара гагь амеа* ‘есть еще много времени’). Это слово персидского происхождения, которое, по-видимому, вышло из употребления ввиду большого скопления синонимов в зоне слов времени (ср. близкие по значению арабизмы *вахтт*, *заман*, *вагӀда*, *дегур* ‘время, эпоха’), однако ничто не могло помешать ему на более раннем этапе быть морфологизованным в качестве показателя ‘когда’ в форме эргатива (возможно, инэссива).³

³ В качестве исходной формы косвенной основы ожидалось бы *гагь-уна* // *гагь-уни*, од-

Поскольку данное слово заимствовано и в другие лезгинские языки, аналогичные временные показатели типа упоминавшихся выше табасаранского *-ган* и рутульского и хиналугского *-га*, вполне вероятно, также восходят к *газь* (в рутульском и хиналугском — к форме номинатива, с утратой конечного *-зь*)⁴. Пралезгинскими, безусловно, данные показатели быть не могут, т.к. само слово *газь* могло быть заимствовано только из средне- или новоперсидского языка, т.е. заведомо не раньше III в. н.э.; см. [Эфендиев 2003: 25 и сл.].

Всё это еще раз показывает, что общие (в т.ч. и морфологически) явления родственных языков не обязательно берут свое начало на праязыковом уровне, но могут и являться результатом позднего и во многом независимого развития.

Литература

Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.

Генко А. Н. Табасаранско-русский словарь. М., 2005.

Дирр А. Агульский язык // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 37. Тифлис, 1907.

Магомедов А. А. Агульский язык: Исследования и тексты. Тбилиси, 1970.

Сулейманов Н. Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993.

Ханмагомедов Б. Г.-К. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970.

Шаумян Р. М. Грамматический очерк агульского языка. М.–Л., 1941.

Эфендиев И. И. Персидская лексика в нахско-дагестанских языках. М., 2003.

Heine B., Kuteva T. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian etymological dictionary. Moscow, 1994.

нако интервокальный *-зь-* вполне мог выпасть, ср. приводимые А. Н. Генко варианты падежей для слова *газь* ‘срок, время (мало употр.)’ в табасаранском: *му га(зь)наь* ‘в это время’, *саб га(зь)наь* ‘когда-то’ [Генко 2005: 35].

⁴ Гипотеза о связи табасаранского аффикса *-ган* ‘когда’ со словом *газь* ‘время’ высказывается также в работе [Ханмагомедов 1970: 137].